

ПЕРЕХОД

Екатерина Быстрова

16+

Екатерина Быстрова Игорь Быстров Переход

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56898976

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04989-5

Аннотация

Психотерапевтическая новелла «Переход», Екатерина Быстрова Автор – опытный экзистенциальный психотерапевт, в свой новелле предлагает читателю, сопереживая героям, испытывающим скорбь и отчаяние, впустить любовь и надежду в свое сердце. Главная героиня – врач. Она заведует отделением интенсивной терапии онкологического центра. Сражаясь за каждую человеческую жизнь, она полагается на свои знания и умения, но ей противостоит неизбежное. В этой нескончаемой борьбе героине открывается источник силы, противостоящий небытию...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Посвящается моим родителям.

Огромная благодарность моим близким и родным, друзьям и пациентам.

Глава 1

Коридор представлял собой длинный тоннель-вход... Нет, коридор все-таки был просто коридором: на одной стене располагались огромные окна, за которыми проявлялась вся грусть внешнего мира с привычными дождем, ветром и прочей непогодой, а другая стена представляла собой нескончаемую белую плитку и двери: одна, две, три...

Он шел по этому коридору, насвистывая веселую песенку, улыбаясь – радуясь встрече с ней.

Она – его Дама.

В этой, уже привычной, встрече было что-то волнующее. Услышит ли она Его, поймет ли Он то, что она чувствует, будет ли одна или с кем-то из молодых коллег, постоянно требующих от нее поддержки?

Каждый раз встреча с ней была чудесной! Иногда Он заходил по несколько раз в день, иногда не появлялся месяцами. Он мог приходить для работы, а мог появляться просто так – поболтать. Хотя в основном их общение сводилось к тому, что Он просто любовался ею.

Она была его Дама. Она была прекрасна!

Оля очень устала сегодня. День вроде бы как всегда – суета, люди: коллеги, пациенты, практиканты бестолковые и шумные, толпами проходящие по палатам. Что-то она забыла, что-то оставалось на поверхности сознания... Ах да, звонил однокурсник, что-то хотел. Что? Оля сосредоточилась, но не смогла вспомнить. Надо перезвонить.

– Ольга Николаевна! Вы еще остаетесь? – это молодая коллега. Явно торопится домой.

– Алла Алексеевна, мне еще надо доделать кое-что...

– Ну хорошо, я уже все! – женщина быстро закрыла папку и тут же стала собираться.

– Алла Алексеевна, вы на завтра послали на кардиограмму Ольшанскую из четвертой палаты?

– Ольга Николаевна, мы же решили, что на следующей неделе...

– Нет. Сделайте это завтра. Не нравится мне ее состояние – глаза грустные.

– Может, к вам друг заходил – и вы разволновались? – сехидцей спросила молодая женщина, уже почти одетая для выхода на улицу.

«Зря я им рассказала, – подумала Оля, – сейчас меня, наверное, по косточкам перебирают и думают, что я совсем от одиночества тронулась».

– Алла Алексеевна! – голос Оли стал жестким. – Я бы хотела, чтобы вы отправили Ольшанскую на обследование.

Молодая коллега, естественно, уловила металл в голосе и

поняла, что перешла границу дозволенного, но, как исправить ситуацию, не придумала. Вечер был испорчен, настроение упало почти до нуля, но слово не воробей: вылетит – не поймаешь. Что сказала, то сказала!

– Ольга Николаевна! Я все сделаю завтра!

«Да что будет с этой Ольшанской?! Все! Завтра, завтра!» – зло подумала Алла Алексеевна, и хоть и старалась аккуратнее закрыть за собой дверь, как-то не получилось. Дверь хлопнула слишком громко, почти вызываяюще.

«Ну вот! Зачем я на нее набросилась? Зачем? Конечно, она молодая и не очень аккуратная, но работает быстро и холодно как-то», – Оля, размышляя, подошла к чайнику, нажала кнопку. Чайник старательно зашумел.

«А может, я ей просто завидую?» – Оле не понравилась эта мысль. «Молодая коллега явно спешит на встречу. Кто это? Друзья? Возлюбленный? Родители? Кто ее ждет?» Олю тоже ждет Пулька, но в последнее время ей почему-то хочется задержаться на работе...

Это началось три месяца назад, когда Оля вот так же поздно задержалась на работе. Сейчас она не помнит: может быть, задремала, а может быть, наяву – она увидела Его. Точнее, не увидела, а почувствовала, что Он есть. Она не смогла объяснить себе, как это. Но Он есть. Она точно чувствовала Его присутствие! Когда Он был рядом, появлялся тонкий, слегка уловимый запах чего-то сладкого, теплого – так пахнут мамины руки или младенцы, ванильный зефир, а может

быть, медовые соты или спелая клубника со сливками. Это как благоухание, оно чарующее, настоящее, нежное и живое.

Когда Он был рядом, становилось легко дышать, и легкая нега растекалась по всему телу, как будто кто-то убаюкивал ее в колыбели. Все тревоги и суета дня уходили куда-то далеко-далеко. Ее беспокоило только, что Он знает ее мысли и видит ее целиком, как будто она обнаженная. Когда Он уходил, какое-то время оставалось чувство покоя и сладости, затем – легкий звон в ушах (сосуды головы, что ли?), и грусть, и пустота...

Она возвращалась к работе, недовольная тем, что это маленькое событие, как удовольствие, длится всего лишь мгновение. А затем – опять работа, и одиночество, и Пулька, ждущая дома.

Их встречи стали для нее как воздух. Если Он долго не появлялся, она волновалась, становилась то грустной, то раздражительной, и казалось, что работа никак не клеится. Она не любила такие дни.

Как-то на пятиминутке, когда Оля рассеянно перебирала бумаги и вовсе не слушала никого, Он пришел. Оля это поняла сразу и, оглядев присутствующих, удивилась, что никто, кроме нее, не чувствует, что Он пришел.

Екатерина Дмитриевна, докладывающая о новых препаратах, непонимающе остановилась и вопросительно посмотрела Оле в глаза:

– Ольга Николаевна, что-то случилось?

– А почему вы спрашиваете, Екатерина Дмитриевна?

– Да вы как-то засияли изнутри. Вдруг счастье на вас навалилось. Вы видите перспективы с новыми препаратами?

Оля растерялась. Она и не слушала рядовой доклад, и, кажется, она одна чувствовала, что Он рядом. Вдруг в коридоре послышался шум. Кто-то забегал, явно что-то случилось. В дверь кабинета громко постучали, и сразу же показалась встревоженная Полина.

– Ольга Николаевна!

– Кто?

– Рощин из седьмой палаты, – Полина говорила быстро, еле сдерживая слезы. – Я ему утром температуру мерила, давление нормальное, вот утренняя кровь. Бласты выросли...

– Екатерина Дмитриевна, ваш?

– Мой... – Екатерина Дмитриевна уже доставала карту наблюдений.

– Алла Алексеевна! Реанимацию! Кирилл Аркадьевич, вы со мной! Остальные – работать... Полина, возьмите себя в руки! Родственники здесь?

– Нет, Ольга Николаевна, жена по выходным приходит.

– Екатерина Дмитриевна, а кто ему помогает?

– Девочки с поста или дневная санитарка, но он еще два дня назад сам себя обслуживал. Бласты резко выросли...

По коридору толкались люди, как будто всем разом сообщили о случившемся и всем надо быть там, с Рощиным.

– Сестры, освободите коридор! – Кирилл Аркадьевич как будто прочитал мысли Оли. – Да не надо никому здесь быть. Не надо паники!

Возле дверей седьмой палаты уже была бригада реанимации. Постовые – молодцы, сработали четко. Оля знала каждую девочку. Она сама проводила собеседование, выбирая для своего особого отделения особых людей.

– Ну что, Олег?

– Все, Оля...

– Всем расходиться по палатам! Не мешайте работать!

Каждый раз, когда это происходило, у Оли замирало сердце. Казалось, она должна была уже привыкнуть, с тех самых пор, когда в конце 90-х пришла после ординатуры в отделение. Самый первый уход на ее руках произвел на нее сильное впечатление. Затем были еще и еще, но привыкнуть было невозможно.

Они убирали все цветы из палат и коридоров, боролись с грибками как могли, мыли и терли, пробовали новые препараты и схемы лечения, но люди все равно собирались и уходили по непонятной для Оли логике даже при хороших анализах и прогнозах.

Просто уходили, как будто по расписанию или их кто-то звал.

Вот и сейчас – Рошин. Нашли донора. Анализы хорошие. Готовились... А он ушел.

Глава 2

Екатерина Дмитриевна вернулась в ординаторскую. Что-то пошло не так. Ей казалось, что она что-то проглядела, чего-то не учла. Конечно, претензии родственников типа «вы его залечили» ее не пугали. Но надо было разобраться, ведь с Роциным как-то все не так было с самого начала.

Екатерина Дмитриевна вспомнила, как три месяца назад встретила с новым пациентом. Наверное, ее поразил не он сам, а больше всего изумление на его лице: «и это все со мной?!» Затем изумление сменилось яростью: как будто большой и сильный зверь заперт в маленькой и тесной клетке, а злой дрессировщик все время дразнит его и бьет палкой. Как-то отдельно друг от друга в одно и то же время существовали волевой человек и слабое тело. А потом тело стало жить своей жизнью, а его хозяин с покорным смирением принимал все неожиданные телесные реакции, удивляясь, что никак с телом нельзя договориться. Оно живет по своим законам. Никакие манипуляции, никакие препараты ни на минуту не прекращали работу тела на самоуничтожение.

Кто? Как? Почему запустил этот процесс? Отчего молодой, красивый успешный мужчина перестал быть хозяином своего тела? Кому это было нужно?

Много вопросов без ответов. Эх, Роцин, Роцин!..

Екатерина Дмитриевна вспомнила, как первый раз разлилась, услышав про этого человека.

– Вы должны ему отказать!

– Кому?

– Роцину.

– А кто это?

– Это мой муж. Он сошел с ума. Нас ждут в Германии – лучшая клиника, лучшие врачи, а он – к вам! – молодая женщина кричала на всех, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Прекратите истерику. Вы кто? Как вы сюда попали? Что вам надо? – Екатерина Дмитриевна попыталась остановить поток негодования незнакомой гостьи.

– Вы не понимаете, если он что-то решил, то уже все должны подчиниться. Это же Роцин!

– Кто он? И чего, собственно, вы хотите?

– Вот. У нас диагноз... Мы едем в Германию в лучшую клинику, а он вдруг: «Я буду в областной», – он что, издевается?!

Екатерина Дмитриевна взяла в руки выписку, направление, анализы и быстро пробежала глазами.

– Пойдемте к заведующей.

– Да он там!.. Уговаривает ее, чтобы она согласилась взять его в отделение.

– Если он по прописке не может у нас наблюдаться...

– Да в том-то и дело, что может. У нас дом в Ленинград-

ской области.

– Но тогда мы не сможем отказать ему в госпитализации.

– Да прекратите вы. Что вы умеете? Вот в Германии – лучшие врачи, лучшие технологии!..

Екатерина Дмитриевна хотела было вступить в спор, что, мол, все передовые технологии и препараты есть в России, и «врач и в Африке – врач», и что это – наш российский миф, что все заграничное – лучше, но не успела.

Дверь в ординаторскую стремительно распахнулась, и вместе с Ольгой Николаевной на пороге возник он – Роцин. Дорогой парфюм сразу же заполнил помещение. Мужчина был хорош собой – высокий, подтянутый. Только кожа на лице, несмотря на загар, выглядела тускло, а в глазах выразилось то самое изумление и в то же время – решимость все взять под свой контроль. Екатерина Дмитриевна встретила со взглядом человека, привыкшего управлять процессом и подчинять себе все и вся. Да, изумление «и это все со мной?!» было явно лишним и как-то не вязалось с этим сильным волевым человеком.

– Дорогая, прекрати истерить. Тебя слышно на улице.

Молодая женщина, как по команде, закрыла рот. Только глаза продолжали метать молнии.

– Екатерина Дмитриевна, познакомьтесь: Александр Евгеньевич Роцин. Как я вас уже проинформировала, отдельную палату мы предоставить не можем...

Молодая женщина, которую называли «дорогой», вырази-

тельно взглянула на Екатерину Дмитриевну: «Ну что я вам говорила?»»

– ... но если анализы будут хорошие и донор совпадет, то при пересадке вы будете в отдельном боксе, чтобы избежать осложнений. В общем, Екатерина Дмитриевна вам все расскажет – она ваш лечащий врач. Познакомьтесь!

– Екатерина Дмитриевна, принимайте пациента. Надеюсь, что вы поладите, – Ольга Николаевна улыбнулась. Она, как никто, знала, что для возможного успеха врачу и пациенту важно понимать и чувствовать друг друга. – Александр Евгеньевич, надеюсь, что вы поладите с Екатериной Дмитриевной. Она опытный врач и сможет прокомментировать каждый этап процесса лечения, как вы и хотите.

Конечно, представлять врача пациенту не входило в обязанности заведующей отделением, но «это же Рошин».

– Милый, – молодая женщина еле сдерживала себя, – мы же договорились, что будем лечиться в Германии. Нас ждет профессор...

– Дорогая, отправляйся домой. Я позвоню и сообщу, что мне нужно. Я остаюсь здесь. Наташе все инструкции даны. Чтобы не было паники, прекрасно можно все организовать здесь, в больнице.

– Но, милый, может быть, хотя бы дома? Пусть врачи приезжают, делают все манипуляции...

– Я сказал, – голос звучал жестко, – жду тебя завтра. Молодая женщина опустила голову, и волосы закрыли ее

лицо.

Все понимали, что она не хочет, чтобы кто-то видел, что она плачет. Когда она подняла голову, еще раз встряхнув роскошными волосами, на лице не отражалось ничего.

– Хорошо, я все сделаю.

Она подошла к мужчине, слегка приподнялась на носочки, чтобы дотянуться до щеки, и поцеловала его.

«Вот это самообладание, а может быть, дрессировка, – подумала Екатерина Дмитриевна, – да, с миллионером не просто жить-поживать да добра наживать». Это же Рошин. И хотя Екатерина Дмитриевна не до конца представляла возможности господина, с которым познакомилась только что, чувство присутствия власти и денег распространилось вместе с парфюмом по небольшой ординаторской.

Глава 3

Он резко оглянулся, появилось ощущение, что кто-то есть за его спиной, а может, зовет его.

В душе давно поселилась тревога. Она ему не мешала. Когда он понял, как ее использовать, научился не подчиняться тревоге, а слышать ее и слушать, как верного подсказчика, – тогда и начались резкие перемены в его жизни. Карьера пошла в гору, более того, он стремительно богател и стал, как любит говорить его «дорогая», владельцем домов и пароходов.

Многие партнеры изумлялись его звериному чутью, конкуренты и враги побаивались его неожиданных решений, а сам он шел по жизни, не очень-то задумываясь, отчего так все с ним происходит. Он не задумывался, хорош его поступок или плох, беден он или богат, любит он или ненавидит, враг перед ним или друг. Он просто делал свою работу и шел вперед, не оглядываясь назад. Была ли какая-то цель или какой-то смысл в этом движении, он не задумывался. Лица, которые сопровождали его на этом пути, сменялись иногда со скоростью картинок в калейдоскопе. Но он не сожалел. Труднее было с «дорогими». Барышни имели тенденцию привязываться и «страдать», тогда приходилось решать вопрос через маленькую квартирку или машинку, и «дорогая», утерев

слезы, исчезала из его жизни, освободив место для следующей. Он через прессу сообщил всем, что найдет и выберет мать своего наследника, и это будет нескоро.

Все шло своим чередом. Но однажды, как будто в чьей-то сильной руке, сжалось сердце.

– Александр Евгеньевич! Что с вами? – это Наташа, верная секретарша без времени и возраста, которая, как тень, всегда была рядом с Роциным, смогла уловить мимолетную перемену в его лице.

– Наташа, у тебя когда-нибудь болело сердце?

– Да, конечно. А вам плохо? Может, валидол? Это, конечно, не лекарство, но помогает.

– Да нет! – Роцин поморщился.

Ему показалось, что он не сможет передать, что произошло, что он чувствует, что кто-то есть рядом и вот только сейчас сильно сжал его сердце. Он ясно представлял, как рассказывает верной и преданной Наташе о своей тревоге, которая его не подводит, и как он точно знает, что его ждет. С недавних пор, ему доложили, Наташа захаживает в церковь, ставит свечи и заказывает молебны за его здоровье. К чему бы это?

Роцин закрыл глаза. Он старался дышать медленно и осторожно, как будто ступал по тонкому льду. Боль начала затихать, и сердце забилось ровнее. Про такие приступы он слышал. Кто-то из знакомых рассказывал о своих походах к психотерапевтам. Товарищ даже весело поведал о том, что

уже третий психотерапевт пытается победить его панические атаки (кажется, так это называется). Да, с психотерапевтами приступы стали появляться реже, но все равно достигали его в самом неожиданном месте и при самых неожиданных обстоятельствах.

Рощина тогда удивила веселость рассказа и, наоборот, глаза рассказчика, наполненные страхом и какой-то безысходностью. «Спасите меня!» Рощин тогда с презрением подумал, что не будет вот так, как ничтожный червяк, цепляться за кого-то, чтоб помогли, – ему не понадобятся психотерапевты. Это выглядит нелепо, когда взрослый мужчина, который решает судьбы многих людей, на самом деле не всемогущ, а как раб своего тела – все время к себе прислушивается и при первых же «звоночках» бежит к психотерапевту, как будто у того есть волшебная палочка.

Но вот сейчас, когда сердце зажато, он как миленький готов кричать: «Спасите меня!» Но кому? Тому, вероятно, чье невидимое присутствие было частью его жизни.

Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох и на мгновение потерял себя. Все поплыло вокруг, сначала медленно, потом быстрее, быстрее, закрутилось вихрем, и он – бестелесный легкий Рощин – понесся в круговороте вещей и событий.

– Александр Евгеньевич! Александр Евгеньевич! – это перепуганная Наташа трясла его за плечо. – Александр Евгеньевич, я вызываю скорую...

– Не надо скорую. Позвони Петровскому. Пусть приедет

сейчас, если сможет, если нет – вечером.

Что это было? Рощину даже стало весело: «Я, кажется, потерял сознание и мне страшно!» Про страх подумалось как-то отстраненно, но это были именно мысли про страх. А что его испугало? Мысли путались, никак не складываясь в единую картину. Чтобы как-то успокоиться, Рошин стал выстраивать в своей голове последовательность событий. «Вот, – сначала подумал он, – один умру в своей кровати, и домработница (как там ее зовут?) найдет меня только утром». Подумал, что надо навестить могилы родителей – они были бы недовольны его нерасторопностью, подумал еще о чем-то... А кого он видел, когда его закружило и понесло? Он явно с кем-то встретился глазами. Ему протягивали руки... Картинка стала размываться и совсем исчезла. В кабинете появилась Наташа с чаем и какими-то таблетками.

– Александр Евгеньевич! Петровский уже выехал и будет минут через сорок. Велел теплого чая... – Наташа всхлинула. – Александр Евгеньевич, я отменила все встречи, так как Петровский сказал, что это нежелательно. Вам нужен покой.

– Ну нужен так нужен. Я чувствую себя престарелым вождем, а мне еще нет и пятидесяти, так что, Наташа, прекрати относиться ко мне, как к умирающему.

Глава 4

Он – это ветер, Он – это шум дождя или шорох листьев, а может быть, Он – это тень, которая иногда стыдливо, иногда нахально следует за нами.

Он может быть одновременно везде, а может исчезнуть, как будто навсегда.

Он знает, что Он любил, а сейчас есть сама Любовь.

Он может нарисовать любой рисунок из чувств, используя всю палитру, но отдает прекрасное полотно другому, а чаще оставляет его перед входом, прихватив с собой немного сожаления, приправив ароматом грусти. Его неожиданное появление пугает других, и не всегда тебе удастся справиться с этим страхом. Ты невольно возвращаешься к воспоминаниям о встрече, а Он забывает о тех, с кем встречался, практически мгновенно. Но встреча с ней – другая. Он навещал ее, немного растерявшись, так как не понимал логики происходящего. Зачем Он с ней? Почему она знает Его? Как не поддаваться искушению прикоснуться губами к ее волосам? Как исчезнуть, прихватив воспоминания о себе, чтобы не испугать?

Рядом с ней Он чувствовал себя живым, наполненным какой-то силой. Казалось, что все могущество Вселенной в это мгновение было сконцентрировано в одной точке – в Его

сердце, и оно пылало так ярко и горячо, что хватило бы на многих. Но Он сковывал эту силу и исчезал, каждый раз удивляясь тому, что воспоминания о Нем ее не пугают.

Оля открыла дверь своей квартиры. Где-то в глубине слышалось ворчание, покашливание и такое милое «цок-цок». Это Пулька засеменила навстречу хозяйке. Тяжелый день отошел куда-то, а может быть, просто остался за дверью. Оля заулыбалась.

Пулька – маленькая собачка – появилась и всем своим видом стала показывать, что, мол, она обиделась и даже и не думает радоваться встрече. Она переступала крошечными лапками на месте, виляла хвостом и, прижав уши, что-то «выговаривала» Оле.

– Не ругайся! Знаю, знаю, – я плохая хозяйка. Оставила свою девочку в одиночестве! Сейчас пойдем погуляем. Я только переоденусь!

Пулька, как будто приняв извинения, перестала таявкать и, развернувшись, с важным видом отправилась вперед хозяйки, приглашая незамедлительно осуществить намерения.

– Пулька! Это нечестно! Неужели я даже чаю не попью?

Собачка выразительно оглянулась и строго таявкнула, призывая хозяйку не отступать от задуманного.

Конечно, такой диалог собаки и человека со стороны мог

бы выглядеть странно. Но Оля была уверена, что это маленькое существо все понимает и именно разговаривает с ней.

Иногда в компаниях с друзьями она рассказывала о своих наблюдениях и горячо отстаивала «повышенный интеллект» своего питомца. Когда-то Оле казалось, что она не имеет права на живое существо в своем доме, что это хлопотно и совсем неправильно, ведь животное остается на целый день в одиночестве, пока хозяйка на работе.

Оля часто вспоминала, каким случайным образом Пулька появилась в ее доме. Одна приятельница не могла выбрать щенка для своей дочери и пригласила Олю помочь ей. Тогда они заблудились, колеся по деревням Ленинградской области, опоздали к назначенному времени и долго ждали, когда появятся хозяева. Оля не хотела ругаться с подружкой, но про себя думала, что выходной безвозвратно испорчен, и ей было непонятно, что она делает здесь перед незнакомым домом.

«Мамой» питомника оказалась краснощекая тетка, которая по совместительству была еще и фельдшером в этой деревне. Оля морщилась при ее рассказе о трудных буднях медиков: «Ни днем, ни ночью покоя нет» – и хотела отказаться от захода в дом, ведь щенка выбирала подруга. Но тетка, не прекращая рассказ о своих медицинских подвигах, практически затащила подруг в дом, подхватив их под руки. Мелкие, как горох, щенки и такие же мелкие их папаши и мамы кинулись к своей хозяйке с радостным звонким лаем.

Оля отстраненно слушала, о чем разговаривают женщины; чтобы ни на кого не наступить, ей пришлось отойти в сторону и присесть на диван, пока шло бурное обсуждение вариантов. Ее подруга, присев на корточки, стала гладить собачек, приговаривая что-то ласковое. Вдруг, неожиданно для Оли, рядом с ней что-то завозилось, пискнуло и щекотно коснулось ее руки на диване. Она испуганно отдернула руку, и ей показалось, что это «что-то» заплакало. Маленький щенок тоже хотел вместе с братьями и сестрами веселиться там, на полу. Но, вероятно, прыгнуть побоялся, а может, просто заснул, и гости разбудили его. Собачка была такая маленькая, что целиком помещалась на ладони, и Оля, взяв ее на руки, уже не смогла отпустить.

Хозяйка питомника важно трясла родословной собак, вероятно, пытаясь объяснить цену, которую она просила за щенков.

Оле было абсолютно все равно, что в роду ее Пульки есть Императрица, владелицей которой значилась Любаша Корчак – столичная и всероссийская знаменитость. Это молодая женщина выдавала «хамство обыкновенное» за журналистское острословие, и, естественно, собака у нее могла быть только Императрицей, никак не меньше.

Старик Фрейд порадовался бы, анализируя выбор клички для собаки...

Сейчас Оля не представляла, как можно было жить без Пульки – такой замечательной, когда ты абсолютно уверен,

что тебя любят и ждут.

«Да, любят и ждут!» Это так просто и так важно. Вся жизнь наполняется сразу каким-то смыслом, и ты не застреваешь в мучительном поиске своего места в этом мире. Тебе уже не надо перебирать возможные варианты значения своего существования, тебя просто любят и ждут, и все: ты – есть, ты существуешь, ты живешь.

«Ты не можешь не жить, ведь тебя любят и ждут...» – так думала Оля, гуляя с Пулькой по уже темному парку рядом с домом. От этих мыслей становилось теплее. Она успокаивалась. Тревоги дня отступали все дальше.

«А Рошин? – это воспоминание, как электрошок, встряхнуло Олю. – Неужели его никто не любил и не ждал? Почему он перестал жить? Кто перекрыл кран жизненной энергии? Как так – вместо любви и смысла в душе появляется пустота, как выжженная пустыня? Нет, просто пустота, ничего...»

Оля удивилась тому, что, возможно, уже некоторое время стоит, и по ее щекам текут слезы.

Конечно, не только сегодняшней уход Рошина в небытие был причиной этих слез. Оля плакала от бессилия хоть что-то изменить в расписанном кем-то сценарии. В ее слезах растворился покой, и исчезло умиротворение, появившееся при мысли о любви и нежности, и ярко проступала бессмысленность усилий по спасению людей.

«Зачем я им, если все предначертано? Если я точно знаю, что ничем не поможешь. Можно лишь оттянуть момент пе-

рехода, но нельзя вдохнуть жизнь в тело, которое уже прощается с нами... Я видела в его глазах, когда он к нам пришел: «Все – конечная точка!» Зачем я давала надежду?! Нет, ему не нужна была надежда! Он сразу пришел к нам умирать. Я видела, что он понимает это. Зачем химия, пересадка?!»

Пулька, будто чувствуя, что происходит с хозяйкой, перестала носиться за сухими листьями и вернулась, стала скулить, перебирая лапками: «Возьми меня на руки. Мне холодно. Я люблю тебя!»

Глава 5

– Здравствуйте, Ольга Николаевна!

– Здравствуйте, Аллочка! Вы, как всегда, замечательно выглядите!

Аллочка, Алла Алексеевна, после того как закрылась дверь за Ольгой Николаевной, улыбнулась своему отражению в зеркале, поправила челку, подкрасила губы и закончила свое колдовство над внешним видом легкими похлопываниями по щекам. Щечки зарделись. Как не улыбнуться такой милашке! Белая куртка, безупречно отглаженные брючки на тонкой фигурке смотрелись великолепно. Подмигнув себе напоследок, Аллочка закрыла дверцу платяного шкафа, где она и ее коллеги располагали свои вещи.

Все, она готова к работе. День должен быть хорошим, он просто обязан быть хорошим!

– Алла Алексеевна! Вы будете кофе?

– Да, Полина, – как всегда, без сахара.

Эта утренняя чашка кофе – дань демократии.

Она – доктор, они – медсестры. Каждый должен знать свое место. Так говорит папа, профессор и уважаемый человек. И, хотя он сам давно уже не практикует, а только возглавляет кафедру, студенты 1-го Медицинского его уважают и стараются подражать его манерам и философии. Когда Аллоч-

ка пошла учиться, ей было страшно, что строгий папа будет недоволен ее успехами, и она старалась изо всех сил.

На деле все оказалось не так плохо. Папа всячески поддерживал ее учебу и дальнейшую карьеру. Для этого он лично встречался с Ольгой Николаевной, своей бывшей студенткой, и разговаривал ласково, но настойчиво, объясняя, как важно для Аллочки попасть именно в это отделение, именно в эту больницу и именно под руководство такого опытного врача.

Интересно, Ольга Николаевна догадывалась, что папа знал о контракте с немцами на тестирование экспериментального препарата, который замедляет процесс, а может и вовсе изменить исход болезни, и что работа для Аллочки в отделении – лишь короткий мостик для получения места в международной фармацевтической компании. Надо только лишь немного потерпеть, собрать статистику, поучаствовать в тестировании препарата с добровольцами, а может быть, между прочим, написать докторскую, а там... От перспектив и возможностей у Аллочки дух захватывало.

Работать Аллочке нравилось, даже было интересно. С коллегами тоже все было замечательно. Минуты демократии были не столь обременительны, а иногда и наоборот, подчеркивали особый статус врача, доктора, уважаемого и значимого в жизни других людей человека. А медсестры приятно суетились, желая угодить молодому доктору. Так уж повелось в медицинской среде – есть элита, а есть другие. Аллочке это

нравилось. Она как-то сразу повзрослела, стала серьезней, и к ее слову прислушивались – конечно, не так, как к слову заведующей отделением, но все равно было очень приятно осознавать, какая она важная и умная. Наблюдая за Ольгой Николаевной и ее работой, Аллочка не понимала, как той удается, не повышая голоса, добиваться четкого выполнения своих указаний. Как она и все чувствует, и знает, и любой работник в отделении готов в любую минуту откликнуться и ловит любое изменение настроения заведующей отделением.

Утренний кофе для Ольги Николаевны подавался с такой любовью и почтением, что в душе у Аллочки начинал шевелиться червячок зависти. А сама Ольга Николаевна любила приходить в сестринскую с какими-то печеньками, конфетами и весело болтала с девочками-медсестрами о всякой ерунде. Аллочке казалось, что эти разговоры должны быть чинными и возвышенными, а они шутили, смеялись и говорили о всякой всячине. Аллочке казалось, что нужно соблюдать субординацию, «начальник – подчиненный», и это и есть настоящие отношения, а Ольга Николаевна получала любовь и уважение, ничего не предпринимая для этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.